

лия, чтобы вступить с немцами в союз против СССР. Пактом с Германией Сталин сразу поручил и англо-французские, и польские антисоветские планы.

Фельдмаршал Кейтель в своих "Размышлениях перед казнью" приводит оценку, которую дал пакту 1939 года Гитлер: "Сталин заключил этот договор для того, чтобы при разделе Польши обеспечить свою долю, а во-вторых, чтобы побудить нас к войне на Западе, рассчитывая, что мы там крепко вгрыземся в землю и понесем тяжелые кровавые жертвы. Этот выигрыш времени и израсходование нами своей силы Сталин хочет использовать против нее".

Кто-нибудь скажет, что Сталин не добился того, чего хотел? Раздел Польши значительно отодвинул советские западные границы, нападение на Францию состоялось. Но кто ж мог предположить, что она, обладая почти равным с Германией военно-промышленным потенциалом, продержится всего 2 месяца и капитулирует не когда-нибудь, а 22 июня? За эти два месяца в плен немцам успели сдать 2 миллиона доблестных защитников Франции. А захваченные танки, самолеты и орудия позволили оснастить несколько немецких дивизий.

Вопреки всем упрекам в адрес Сталина я считаю советско-германский пакт его огромным внешнеполитическим успехом. Кстати не единственным. Разве пакт о нейтралитете с Японией, подписанный 13 апреля 1941 г. — не успех? Еще какой! В той-то обстановке. Сам Сталин в речи 3 июля 1941 года сказал о пакте 1939 года следующее:

"Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, даже если во главе этой державы стоят такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом."

22 ИЮНЯ

ГИТЛЕР РАССЧИТЫВАЛ ВСЕГО ЗА 3 НЕДЕЛИ ПОСТАВИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НА КОЛЕНИ

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора".

В июле 1941 года было не до более подробного анализа других положительных сторон пакта. А их немало. Как уже говорилось выше, Германия начала поставлять нам в обмен на сырье крайне необходимую продукцию, включая особо прочную броню, которую наши металлурги тогда еще не научились делать. Но гораздо важнее другое.

Пакт 1939 года, развязав Германии руки против Польши, развязал Советскому Союзу руки в Финляндии и Прибалтике. При всех своих негативных сторонах война с финнами была для нас чрезвычайно полезной. Главной ее целью, как и в случае с Польшей, было отодвинуть западную границу. Ведь старая граница проходила от Ленинграда на расстоянии орудийного выстрела, что было совершенно недопустимо в случае более серьезной войны. Эта цель была достигнута, и ее достижение стало одним из важнейших факторов, не позволивших немцам и финнам взять Ленинград. Нельзя недооценивать и создание перед коренной Россией пусть слабого, ненадежного, но все-таки буфера на случай войны в виде прибалтийских республик, в которые были преобразованы Литва, Латвия и Эстония.

Враги Сталина и СССР стремились и стремятся представить эти действия как советскую агрессию. Но занятые нашими войсками Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, Литва, Латвия и Эстония, — все это земли, входившие до первой мировой войны в состав Российской империи, затем отторгнутые насильственным путем. Рано или поздно они должны были возвращены. И новая граница с Финляндией лишь вернула ее на рубеж, установленный исторически при создании Российской империи.

Но вернемся к войне с Финляндией. Пусть это звучит цинично, но она была необходима Красной Армии, почти не имевшей к тому времени боевого опыта, не участвовавшей еще в современной войне — войне моторов, новой техники, нового вооружения. А

опыт в военном деле не заменить ничем. Итоги финской кампании привели к самым серьезным выводам.

В этом номере публикуется документ, ярко показывающий состояние Красной Армии при наркоме обороны Ворошилове. Увидев результаты его работы столь явственно, Сталин немедленно заменил своего верного соратника героем штурма "линии Маннергейма" Тимошенко, а во главе Генерального штаба поставил командующего Ленинградским военным округом Мерецкова. Отличившиеся в боях генералы Кирпонос и Павлов были назначены командовать важнейшими военными округами — Киевским и Западным. Павлов был также введен в состав Главного Военного Совета СССР. Но тогда Сталин еще не осознал всю мудрость известного афоризма Талейрана: "война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным".

Война с Финляндией дает, кроме всего прочего, ответ на вопрос, почему Сталин так настойчиво требовал от военных ни при каких обстоятельствах не поддаваться на немецкие провокации. Ни англичане, ни французы помощи подвергшейся нападению союзнице не оказали, но шум на весь мир подняли страшный. Советский Союз был объявлен агрессором. Его исключили из Лиги наций, были развернуты громкие антисоветские кампании, приняты меры дипломатического и экономического давления. Финляндия же стала получать международную финансовую и военную поддержку. Англия и Франция объявили, что направят ей в помощь экспедиционный корпус, а англичане еще и начали готовить бомбардировки важных объектов на территории СССР, в первую очередь Бакинских нефтепромыслов. Только успешный штурм "линии Маннергейма", сопровождавшийся большими жертвами, остановил весьма опасное для СССР развитие международной обстановки.

Свеж был в памяти и повод для вторжения немцев в Польшу. Они инсценировали нападение поляков на свою приграничную радиостанцию и для убедительности оставили на "месте боя" трупы уголовников, переодетых в польскую форму.

Как уже говорилось, немцы усердно распространяли дезинформацию о приготовлениях Советского Союза к нападению на Германию. Всю идеологию своей агрессии Гитлер строил на необходимости "превентивного удара". (Это стало потом главной линией защиты фашистских главарей на Нюрнбергском процессе, где их неуклюжая ложь была полностью разоблачена и отвергнута судом.)

Чрезмерная, по мнению многих, осторожность дорого обошлась в первый день войны войскам и мирному населению. Но явилась первой огромной стратегической победой СССР. 22 июня Черчилль от имени Англии, а 24 июня Рузвельт от имени США объявили, что они целиком на стороне нашего народа, подвергшемуся внезапному нападению, и окажут Советскому Союзу всю возможную помощь.

Тут уместно привести высказывание генерала Судоплатова. "Обвиняя Сталина и Молотова в просчетах и грубых ошибках, допущенных перед началом войны, их критики довольно примитивно трактуют мотивы принятых решений по докладам разведорганов, указывают лишь на ограниченность диктаторского мышления, самоуверенность, догматизм, мнимые симпатии к Гитлеру или страх перед ним. Таким образом отвлекается внимание от исторической подоплеку событий. Почему я говорю об этом? Дело в том, что реализация разведывательной информации определяется, как правило, неизвестными для разведчиков мотивами действий высшего руководства страны. Целью Сталина было любой ценой избежать войны летом 1941 года". Он-то лучше всех знал, что Красная Армия к ней не готова и рассчитывать на успех, вопреки бодрому заверениям военных, не может. "Если бы Гитлер дал мне еще всего лишь один год, — сказал он Авереллу Гарриману в 1941 году, — мы могли бы отбросить захватчиков".

А ЧТО ЖЕ АРМИЯ?

"И ЦК ВКП(б), и Совет Народных Комиссаров уделяли огромное внимание вопросам обороны СССР. Судя по тому, как часто Секретариат ЦК партии интересовался состоянием Красной Армии, как обстоятельно и почти непрерывно вникал в ее жизнь И. В. Сталин, не будет преувеличением, если я скажу, что руководство партии все свои помыслы направляло на то, чтобы обеспечить безопасность социалистической державы, чтобы страна всегда была готова отразить удар врага. Ни одна крупная задача в области промышленности или сельского хозяйства, в сфере партийной, государственной или общественной деятельности не решалась без учета того, как связана она с укреплением обороноспособности СССР, как влияет на его международное положение и как отражается на росте мощи РККА", — писал в своих мемуарах К. А. Мерецков. Ах, если бы так относились к подготовке к войне в армии! К. А. Мерецков, человек непредвзятый и очень сведущий, свидетельствует о другом. Цитируем.

"Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе, которым командовал генерал-полковник М. М. Попов. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо. Затем отправился в Киевский особый военный округ. В конце мая начальник оперативного отдела штаба округа генерал-майор И. Х. Баграмян доложил мне обстановку. Дело приближалось к войне. Немецкие

РУССКИЙ НАРОД ОН ХОТЕЛ УНИЧТОЖИТЬ. ВЫСТУПАЯ ПЕРЕД СВОИМИ ГЕНЕРАЛАМИ, ГИТЛЕР ПОТРЕБОВАЛ ОТКАЗА В ЭТОЙ ВОЙНЕ ОТ ВСЕХ ТРАДИЦИОННЫХ РЫЦАРСКИХ ПОНЯТИЙ, ОБЩЕПРИНЯТЫХ ПРАВИЛ И ОБЫЧАЕВ

войска сосредоточивались у нашей границы. Баграмян назвал весьма тревожную цифру, постоянно возрастающую.

На правом фланге Киевского особого военного округа строился в то время укрепленный район. Сооружения уже возвели, но еще не было оборудования. В других местах оборонительные работы были еще не завершены. Ответственным за строительство укрепрайонов был Б. М. Шапошников, и я решил дополнительно поговорить с ним в Москве.

Затем я объехал пограничные части. Все они были начеку, и почти везде я слышал о том, что на той стороне неблагоприятно. С границы возвратился во Львов. Здесь были допущены ошибки. Почти вся зенитная и противотанковая артиллерия переформировывалась одновременно, поэтому противотанковая артиллерийская бригада утратила свою боевую готовность. Чтобы командный состав армии убедился в этом, я провел с ним военную игру. Как я и ожидал, в ходе игры обнаружилось, что танки "противника" могут действовать почти беспрепятственно. На разборе я подчеркнул серьезность допущенного промаха. Командарм в оправдание ссылаясь на указания из округа. Округом командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, мой сослуживец по финской кампании и боевой командир. Он тоже находился во Львове. Кирпонос объяснил, что переформирование абсолютно необходимо, но, конечно, осуществлять его нужно поэтапно, обещал исправить ошибку и тут же поехал в штаб округа, в Киев.

Однако ошибка не была исправлена. В начале июня в округе формировалось несколько противотанковых арбригад на тягачах. А через две недели грянула война. 6-я армия сражалась героически, но не могла противостоять танкам немецкой группы "Юг". За первые две с половиной недели войны части армии откатились от границы на 300—400 километров, в среднем на 18—20 километров в сутки. В этом виновно не только руководство округом. Оно делало почти все, что могло, испытывая недостаток и в боевой технике, и в средствах транспорта, и в людях.

Это было уже в начале войны. А тогда, накануне нее, из Киева я отправился в Одессу, где встретился с начальником штаба округа генерал-майором М. В. Захаровым. Выслушав его подробный доклад, из которого явствовало, что и здесь на границе наблюдается тревожная картина, я вместе с ним поехал к румынскому кордону. Смотрим мы на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных. Оказалось, что это были немецкие офицеры.